ДЕКАБРИСТЫ ВЪ ЯЛУТОРОВСКѢ.

(Изъ воспоминаній современника).

I.

Ялуторовскъ—маленькій городокъ Тобольской губерніи—назначенъ былъ мѣстомъ ссылки многихъ видныхъ дѣятелей декабрскаго возстанія въ 1825 г.

Послѣ каторги въ Нерчинскомъ округѣ, въ Ялуторовскѣ были поселены князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, Иванъ Ивановичъ Пущинъ—другъ А. С. Пушкина, Иванъ Димитріевичъ Якушкинъ, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ—Апостолъ—родной братъ казненнаго Сергѣя Ивановича М.—А.; Василій Карловичъ фонъ-Тизенгаузенъ, члены Южнаго Общества Н. В. Басаргинъ и А. А. Ентальцевъ. Около этого же времени въ Ялуторовскъ былъ поселенъ нѣкто Сабанскій, о которомъ говорили, что онъ сосланъ также въ связи съ декабрскимъ возстаніемъ.

Декабристы жили въ Ялуторовскѣ особнякомъ.

Ялуторовская интеллигенція и чиновники боялись знакомиться съ ними, т. к. декабристы были объявлены важными государственными преступниками и состояли подъ особо строгимъ надзоромъ полиціи, такъ что даже переписка ихъ перлюстрировалась въ Тобольскѣ самимъ губернаторомъ.

Однако и въ Ялуторовскѣ нашлось нѣсколько человѣкъ, сочувствовавшихъ декабристамъ. Изъ нихъ первое мѣсто занималъ теперь покойный почтмейстеръ Филатовъ, затѣмъ управляющій питейными сборами Николай Васильевичъ Балакшинъ—родной дядя Балакшина—учредителя и деректора нынѣшняго Сибирскаго союза маслодѣльныхъ артелей, и, какъ не странно, третье мѣсто занимало духовное лицо—отецъ Стефанъ Знаменскій—протоіерей.

Черезъ почтмейстера и меня (я тогда тоже служилъ на почтѣ) шла вся огромная переписка декабристовъ съ Россіей и заграницей. Разбирая почту, Филатовъ откладывалъ по извѣстнымъ ему одному примѣтамъ нѣкоторыя письма, адресованныя на его имя, и посылалъ ихъ со мной то тому, то другому декабристу. Благодаря оживленной перепискѣ, освѣ-

домленность декабристовъ о всемъ, что дѣлается даже заграницей, была большая. Я помню, что еще за недѣлю до полученія извѣстій и манифеста о смерти Николая I-го къ почтмейстеру вбѣжалъ сильно возбужденный И. И. Пущинъ и объявилъ о смерти Императора.

Жили декабристы межъ собой довольно дружно, иногда собирались вмѣстѣ, но большею частью собранія эти происходили тайно отъ полиціи.

Чаще всего декабристы и ихъ немногіе друзья собирались въ большомъ домѣ съ красивымъ мезониномъ, принадлежаемъ богачу, барону Тизенгаузену. Это былъ большой и мрачный домъ, два раза сгорѣвшій до тла и вновь выстраиваемый барономъ.

Декабристы не любили вспоминать былого. Лишь иногда, когда съ ними были посторонніе люди, разговоръ переходилъ на прошлое. Но и въ такихъ случаяхъ говорили больше о своей частной жизни, политическихъ же волненій и прежней политической дѣятельности декабристы касались очень рѣдко, вскользь и то тогда, когда оставались лишь съ испытанными преданными друзьями.

Больше другихъ о прошломъ говорилъ И. И. Пущинъ. Онъ часто разсказывалъ о своей дружбѣ съ А. С. Пушкинымъ, о самомъ поэтѣ, о литературныхъ собраніяхъ, на которыхъ А. С. читалъ друзьямъ свои стихи. У Пущина было много собственноручныхъ писемъ и рукописей Пушкина, которыя И. И. и показывалъ собесѣдникамъ.

Чаще другихъ темъ разговоръ касался времени, проведеннаго декабристами на каторгѣ. Почти всѣ жаловались на обиды и притѣсненія со стороны начальствующихъ лицъ, на тяжелый режимъ тюремно-каторжной жизни и на суровый климатъ Сибири. Между прочимъ, въ Ялуторовскѣ во времена декабристовъ часто можно было слышать пѣсню, характеризующую жизнь декабристовъ въ ссылкѣ:

1.

Бывало, въ домѣ преобширномъ
Въ кругу друзей, среди родныхъ
Живешь себѣ въ весельѣ мирномъ
И спишь въ постеляхъ пуховыхъ.

2.

Теперь же въ закоптѣлой хатѣ
Между крестьянъ всегда живешь,
Забьешся, скорчась, на полати
И на соломѣ такъ заснешь.

3.

Бывало, предо мной поставятъ
Уху стерляжью, соусъ, кремъ,
Лимономъ бламанже приправятъ,
Сижу и ничего не ѣмъ.

4.

Теперь похлебкою дурною,
Съ мякиной хлѣбомъ очень сытъ,
Дадутъ капусты мнѣ съ водою—
Ѣмъ, за ушами лишь пищитъ.

5.

Бывало, знатныхъ по примѣру,
Безъ лучшей водки ѣсть нельзя,
Шампанское пьешь иль мадеру,
Стаканы съ пуншемъ вкругъ тебя.

6.

Теперь отбросивъ всѣ бездѣлки,
Стремглавъ бѣжишь къ жиду въ корчму,
На гривну тянешь тамъ горѣлки
И радъ блаженству своему.

и т. д.

Пѣсенка, сочиненная, какъ говорили, декабристомъ, княземъ Одоевскимъ и разосланная имъ другимъ декабристамъ, сдѣлалась такъ популярна, что ее знали наизусть даже всѣ школьники.

Въ общемъ декабристы жили тихо, видимо скучали и мечтали объ амнистіи и возвращеніи въ Россію. Особенное оживленіе они проявляли лишь, когда получалась почта и были письма изъ за-границы. Съ кѣмъ они переписывались тамъ—я не знаю; изъ друзей своихъ они особенно оживленно переписывались съ фонъ-Визинымъ, жившимъ въ ссылкѣ въ Тобольскѣ. Переписка эта шла главнымъ образомъ черезъ протоіерея Знаменскаго.

II.

В. К. фонъ-Тизенгаузенъ.

Ни о комъ такъ много не говорили, какъ о баронѣ Тизенгаузенъ. Межъ интеллигентной частью ялуторовцевъ ходили слухи, что баронъ принадлежалъ къ масонской ложѣ-темная же часть Ялуторовска, а тогда этотъ, захолустный и сейчасъ, городокъ почти весь былъ темнымъ, называла Ти-

зенгаузена чернокнижникомъ и чародѣемъ. Слухи эти находили себѣ пищу въ слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ нижнемъ подвальномъ этажѣ огромнаго дома барона стояло нѣсколько большихъ алебастровыхъ статуй нимфъ, фавновъ и олимпійскихъ боговъ. Эти «чудовища» съ козлиными ногами и рогатыми головами наводили страхъ на прислугу, убиравшую комнату, и по городу ходили слухи о ночныхъ колдовствахъ Тизенгаузена, объ оргіяхъ его съ чертями и каменными нагими дѣвками.

— Формазонъ!—прозвали его ялуторовцы. Тизенгаузенъ, страстный садоводъ, разбилъ у своего дома на пустырѣ фруктовый садъ, въ которомъ имѣстѣ съ наемными рабочими каждый день работалъ самъ съ заступомъ въ рукахъ. Онъ самъ разсаживалъ яблони, устраивалъ аллеи, вскапывалъ клумбы и каталъ тачку съ дерномъ, при чемъ шутилъ:

— На каторгѣ выучился.

Мѣщане живо истолковали трудолюбіе Тизенгаузена на свой ладъ.

— Ишь его ворочаетъ. Такой богатый, а самъ тачку катаетъ. Это ему черти покоя не даютъ.

И при встрѣчѣ съ нимъ тихонько крестились.

Въ домѣ Тизенгаузена не было иконъ, что въ то время было чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ, онъ не любилъ и никогда не принималъ священниковъ, никогда не ходилъ въ церковь и не молился.

Когда горѣлъ домъ барона, то изъ всѣхъ вещей онъ самъ вынесъ статую Нептуна съ трезубцемъ, но болѣе ничего не велѣлъ выносить, пожарнымъ же указалъ на смежныя постройки и коротко бросилъ.

— Отстаивайте это.

Ялуторовцы по этому поводу говорили:

— Формазонъ только главнаго черта вытащилъ. Всѣхъ хотѣлъ сжечь, да испугался.

Страхъ передъ чернокнижникомъ былъ такъ великъ въ народѣ, что несмотря на то, что домъ Тизенгаузена съ драгоцѣнной, выписанной имъ изъ Риги обстановкой, надворными постройками, амбарами и кладовыми никѣмъ не охранялся и у барона даже не было мужской прислуги, воры никогда не пытались его ограбить.

Впрочемъ, однажды произошелъ такой случай.

Какъ то ночью, возвращаясь отъ Муравьева-Апостола, Тизенгаузенъ замѣтилъ, что въ одинъ изъ амбаровъ проникли воры.—Подошелъ.

— Вы что тутъ дѣлаете, друзья мои?

Ужасу воришекъ передъ появленіемъ чернокнижника не было предѣловъ. Они стояли, не шелохнувшись, трепещущіе, не смѣя выговорить слова.

Баронъ продолжалъ:

— Я вижу у васъ въ рукахъ мѣшки; вамъ, вѣроятно, муки понадобилось.—Ну, берите же скорѣе и ступайте домой, но смотрите, больше безъ моего разрѣшенія не являйтесь!

Дождался, пока воришки трясущимися руками нагребли муки и бросились бѣжать и спокойно пошелъ спать, даже не заперевъ амбара.

Средняго роста, лѣтъ шестидесяти, сѣдоватый, слегка сгорбленный, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, надъ чѣмъ то задумавшагося. Съ рабочими онъ былъ разговорчивъ, разсказывалъ о своей семьѣ, оставшейся въ Ригѣ, о своей работѣ на каторгѣ, о рудникахъ.

— Тамъ вотъ и сгорбился.

Во время ссылки въ Ялуторовскѣ къ Тизенгаузену пріѣзжали два его сына--офицера и прогостили довольно долго. Тизенгаузена помиловали ранѣе, чѣмъ другихъ декабристовъ. Этому способствовали, вѣроятно, большія связи барона. Онъ уѣхалъ изъ Ялуторовска почти годомъ ранѣе другихъ.

И. И. Пущинъ и Е. П. Оболенскій.

И. И. Пущинъ и князь Оболенскій нѣкоторое время жили на одной квартирѣ. Они занимали приличный домъ, имѣли выѣздъ и многочисленный штатъ прислуги.

И. И. Пущинъ и князь Оболенскій имѣли въ Ялуторовскѣ большое знакомство. Первый особенно дружилъ съ почтмейстеромъ Филатовымъ, а Оболенскій съ протоіереемъ Знаменскимъ. Оболенскій отличался набожностью. Его всегда можно было видѣть въ церкви усердно молящимся. Онъ любилъ принимать у себя священниковъ и бесѣдовалъ съ ними по долгу. Въ большіе праздники квартира его была открыта для дѣтей—славильщиковъ

Съ Пущинымъ у Оболенскаго были дружескія отношенія, хотя онъ, повидимому, не всегда раздѣлялъ взгляды своего друга. Пущинъ не былъ особенно набоженъ, чрезвычайно рѣдко посѣщалъ церковь, но священниковъ по праздникамъ принималъ охотно.

Оба эти декабриста отличались большою общительностью и доступностью для народа, помогали обращавшимся къ

нимъ и деньгами и совѣтомъ и юридическими знаніями. Они никогда не отказывали какому-нибудь бѣдняку—крестьянину или крестьянкѣ написать письмо сыну—солдату, составить прошеніе, жалобу или заявленіе. За это и Пущинъ и Оболенскій пользовались уваженіемъ и любовью мѣстнаго населенія, несмотря на то, что на этихъ декабристовъ, да еще на Д. И. Якушкина, полиція указывала, какъ на самихъ тяжелыхъ государственныхъ преступниковъ.

Отмѣчу одно, мнѣ кажется, особо важное обстоятельство. Въ кабинетѣ у князя Оболенскаго на столѣ всегда можно было видѣть небольшую непереплетенную книжку, на обложкѣ которой было напечатано крупными буквами—«На смерть Милорадовича».—Книжка содержала біографическіе очерки генерала, а на первой страницѣ, подъ обложкой было напечатано: «Генералъ Милорадовичъ былъ въ 60-ти сраженіяхъ, Богъ его миловалъ, но погибъ отъ руки злодѣя Евгенія Оболенскаго».

Видя эту книжку у Евгенія Оболенскаго, я вмѣстѣ съ другими недоумѣвалъ, почему она всегда лежитъ на видномъ мѣстѣ. По этому поводу въ городѣ носилось много слуховъ. Говорили, что держать передъ глазами эту книжку князю предписано правительствомъ въ наказаніе за убійство Милородовича—чтобъ терзался совѣстью.

Другіе говорили, что самъ Оболенскій наложилъ на себя это наказаніе.

Благодаря, вѣроятно, этой книжкѣ, въ Ялуторовскѣ всѣ были увѣрены, что Милородовича убилъ Оболенскій и лишь опослѣдствіи я узналъ, что генералъ палъ отъ руки Каховскаго.

Въ Ялуторовскѣ князь Оболенскій женился.

Женился онъ на своей горничной, неособенно красивой, не интеллигентной и неграмотной дѣвушкѣ, происходившей изъ бѣдной семьи мѣщанъ Ялуторовска. Женитьба эта надѣлала много шуму и даже почти всѣ остальные декабристы отвернулись отъ князя за этотъ mesalians.

Но князь не смутился общимъ негодованіемъ. Онъ дѣятельно занялся общимъ развитіемъ своей жены и черезъ годъ она была хорошо грамотна, развилась и стала держаться настолько прилично, что всѣ отвернувшіеся было отъ Оболенскаго декабристы стали принимать ее и вновь бывать у Оболенскаго.

Отъ этого брака у князя родилось три сына. Князь очень любилъ жену и дѣтей и имѣлъ на семью чрезвычайно хо-

рошее вліяніе. По окончаніи срока ссылки, они уѣхали въ Петербургъ, при чемъ подорожная была выдана на «малолѣтнихъ князей Оболенскихъ», такъ какъ самому Евгенію Петровичу и его женѣ княжеское достоинство возвращено не было.

И. И. Пущинъ, когда послѣ женитьбы князь Оболенскій переѣхалъ на другую квартиру, остался на первой и прожилъ въ ней одинокимъ до выѣзда изъ Ялуторовска, не прерывая дружбы съ семьей князя.

Остальные декабристы. Школа.

Замкнутѣе всѣхъ жилъ М. И. Муравьевъ - Апостолъ. Его рѣдко можно было видѣть на улицахъ города. Жилъ онъ съ женой въ собственномъ, хорошо обстановленномъ домѣ. При домѣ былъ небольшой садикъ, въ которомъ часто Матвѣй Ивановичъ сиживалъ съ женой и пилъ чай. Не знаю, были ли у нихъ дѣти и гдѣ они жили, съ ними же жила лишь воспитанница-племянница, дѣвушка Созоновичъ.

Изъ всѣхъ декабристовъ М. И. былъ особенно друженъ съ Тизенгаузеномъ, почему и его называли масономъ. Характеръ у М. И. былъ суровый и настойчивый. Про него разсказывали, что, когда при проѣздѣ Наслѣдника, позже ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, черезъ Ялуторовскъ всѣмъ декабристамъ приказано было не выходить изъ квартиръ, М. И. не послушался приказа, пытался выйти и лично увидать Наслѣдника. Только ударъ въ грудь прикладомъ отъ караульнаго солдата заставилъ М. И. покориться силѣ.

Во время проживанія М. И. въ Ялуторовскѣ у него временно жили и нѣкоторое время учились въ ялуторовской школѣ братья Созоновичъ и пріѣзжали дѣти умершаго въ Баргузинѣ декабриста Кюхельбекера.

Матвѣй Ивановичъ уѣхалъ изъ Ялуторовска вмѣстѣ съ другими въ 1856 г. Онъ дожилъ до глубокой старости. Въ Москвѣ, когда короновался ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III, 92 лѣтній М. И. Муравьевъ — Апостолъ, которому тогда было возращено дворянство и всѣ знаки отличія, полученные имъ во время войны 1812 г., былъ въ числѣ другихъ почетныхъ гостей.

А. А. Ентальцевъ жилъ также съ женой. Жилъ онъ скромно и незамѣтно. Незадолго до помилованія онъ сошелъ съ ума и умеръ. Жена его еще нѣкоторое время прожила въ Ялуторовскѣ, а потомъ куда то уѣхала.

Такъ же незамѣтно прожилъ свое поселеніе въ Ялуторовскѣ и Н. В. Басаргинъ, женившійся тамъ на купчихѣ, вдовѣ Медвѣдевой.

Иванъ Димитріевичъ Якушкинъ жилъ одиноко въ отдѣльной квартирѣ. Все время поселенія въ Ялуторовскѣ Якушкинъ принималъ самое живое и горячее участіе въ основанной декабристами школѣ. Любитель метеорологіи и естественныхъ наукъ, Якушкинъ у себя во дворѣ поставилъ столбъ, на которомъ были устроены солнечные часы, поставленъ барометръ и флюгеръ Несмотря на то, что Якушкинъ своей школой сдѣлалъ много добра городу и пользовался любовью учениковъ и уваженіемъ болѣе сознательной части горожанъ, темный народъ его не любилъ. Скоро разнесся нелѣпый слухъ, что Якушкинъ „посредствомъ своего столба съ дьявольскимъ флюгеромъ отводитъ тучи и дѣлаетъ засуху"— и два раза ночами, къ великой досадѣ Ивана Димитріевича, этотъ столбъ срубали.

Якушкинъ велъ строгій образъ жизни, занимаясь больше науками и чтеніемъ книгъ, и слылъ за чрезвычайно начитаннаго и ученаго человѣка. Но въ обхожденіи Ив. Д. былъ простъ, чрезвычайно любилъ дѣтей, былъ каждому доступенъ. Лѣтомъ его можно было видѣть каждый день на рѣкѣ, гдѣ онъ подолгу купался. Купался онъ почти до заморозковъ, а съ первымъ льдомъ купанье перемѣнилъ на коньки.

Основанная и содержавшаяся на средства декабристовъ школа находилась въ специально для нея выстроенномъ декабристами же, въ соборной оградѣ, зданіи. До открытія этой школы, названной духовной, но впослѣдствіи переименованной въ приходскую, въ Ялуторовскѣ было лишь одно училище — уѣздное. Въ уѣздное училище принимались исключительно дѣти чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ, дѣти же крестьянъ, поселенцевъ и солдатъ не принимались. Вслѣдствіе этого открытіе духовной школы было сущимъ благодѣяніемъ для низшихъ сословій и въ школу охотно шли учиться дѣти всѣхъ возрастовъ и сословій. Пріемъ въ школу не былъ ограниченъ возрастомъ и нерѣдко можно было видѣть ученикомъ школы, особенно послѣднихъ ея отдѣленій, юношу лѣтъ 20.

Официальными преподавателями школы считались двое неокончившихъ курсъ семинаристовъ, а именно соборный дьячекъ, Евгеній Флегонтовичъ Сѣдачевъ и пономарь Христофоръ Федоровичъ Иваницкій. Смотрителемъ же неофиціально былъ И. Д. Якушкинъ, который часто посѣщалъ

школу и наблюдалъ за общимъ ходомъ ученья. Оба учителя получали указанія главнымъ образомъ отъ Ивана Димитріевича.

Такъ какъ за школой былъ учрежденъ строгій надзоръ полиціи, то декабристы, за исключеніемъ Якушкина, бывали въ ней чрезвычайно рѣдко. Вообще открытіе школы, хотя неофиціальное завѣдываніе ею Якушкинымъ, общее вліяніе на нее другихъ декабристовъ и т. п.—все это было обязано соборному протоіерею, отцу Стефану Знаменскому, человѣку уважаемому, умному и по тогдашнему хорошо образованному.

Въ школѣ преподавалась азбука по самому послѣднему методу, введенному Якушкинымъ, чтеніе, письмо, правописаніе (грамматика), псалтырь, часовникъ, законъ Божій, а съ 5-го отдѣленія— латинскій и греческій языки, причемъ даже преподавалась грамматика этихъ языковъ.

Всего отдѣленій было 9, но изъ отдѣленія въ болѣе старшее отдѣленіе переводили по способностямъ, такъ что нѣкоторые кончали школу въ 3—4 года. Въ младшихъ классахъ преподавали ученики старшихъ отдѣленій, т. к. въ школѣ учениковъ было до 100 человѣкъ, а учителей лишь 2 на всѣхъ.

Способъ преподаванія былъ главнымъ образомъ наглядный, по таблицамъ, книгъ же не было, за исключеніемъ псалтыря и часослова.

Сергѣй Семеновъ.